

Ю. А. РОМАНОВ
(Харьков)

**«МАШИНА ДЛЯ СЧАСТИЯ» ДМИТРИЯ КАРАМАЗОВА
(ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВА «МАШИНА» В РОМАНЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»)**

Хотя слово «машина» и не относится к часто употребляемым в лексиконе Достоевского, это несколько не уменьшает его значимости. В романе «братья Карамазовы» оно употребляется всего три раза, но каждое из этих употреблений таит в себе художественный подтекст.

В целом все словоупотребления (за малым исключением) передают основной спектр значений, характерный как для эпохи Достоевского, так и для наших дней.

Значения же эти таковы. В. И. Даль в своем Толковом словаре под «машиной» и «махиной» понимает «снаряд», «всякое устройство, приспособление для переноса или увеличения силы, либо для увеличения скорости движения»; по «действующей силе» различает «ветровые, паровые, конные, ручные и прочие» машины; «машинистом» именуется «машинного мастера, механика», а также отмечает «машинальное действие или движение человека» как действие «бессознательное, неумышленное, как бы само собой происшедшее». Словом «машинка» именуется всякое подручное подспорье: «химическое огниво, сигарочную гильотинку, бильярдную подставку и прочее»¹.

В словаре Ожегова «машина» определяется как «механическое устройство, совершающее полезную работу с преобразованием энергии, материалов или информации» (например, «паровая машина»), и приводится его переносное значение — так говорят «об организации, действующей подобно механизму, налаженно и четко» («государственная машина», «военная машина»). Говорится и о современном именовании «машиной» автомобиля и у спортсменов мотоцикла, велосипеда².

Современная электронная энциклопедия «Википедия» трактует «машину» как «устройство искусственного происхождения, преобразующее энергию и/или характер движения», которое «используется для выполнения определённых действий с целью облегчить или полностью заменить труд человека при выполнении конкретной задачи». Также отмечается, что «словом „машина“ называют автомобиль», а «в устаревшем смысле, слово „машина“ часто обозначало „паровоз“, который до этого часто называли самокатной паровой машиной» (или просто «машиной»)³.

Как уже отмечалось, слово «машина» в тексте романа «Братья Карамазовы» употребляется всего три раза. Впервые (по хронологии) произносит его Катерина Ивановна в памятном разговоре с братьями Алёшей и Иваном в присутствии госпожи Хохлаковой, когда торжественно объявляет свое решение относительно Дмитрия (часть вторая книга четвертая, глава V «Надрыв в гостиной»). Второй раз употребляет его Иван Фёдорович в разговоре с отцом, отговариваясь от поездки в Чермашню (часть вторая, книга пятая, глава VII «С умным человеком и поговорить любопытно»). Третий раз звучит оно в поучениях старца Зосимы, когда он с болью говорит о разврате «на фабриках десятилетних даже детей: хилых, чахлах, согбленных и уже развратных» (14; 286) (часть вторая, книга шестая, глава III «Из бесед и поучений старца Зосимы»).

Иван Карамазов в разговоре с отцом употребляет слово «машина» в значении «паровоз». В ответ на просьбу отца заехать в Чермашню по «одному» его «насухшему собственному делу», Иван отвечает: « — Помилуйте, не могу: до железной дороги восемьдесят вёрст, а *машина* уходит со станции в Москву в семь часов вечера — ровно только, чтоб поспеть» (14; 252). В этом эпизоде «машина» употребляется, конечно, в своём прямом значении (в этом же значении оно неоднократно упоминалось в воспоминаниях А. Г. Достоевской). Однако в контексте происходящего оно неожиданно приобретает особый художественный смысл. Иван Карамазов говорит об уходящей машине в утро его поспешного отъезда из дома («а отъезд выходил действительно внезапный», — как признается он сам себе (14; 252), в утро после недвусмысленного разговора со Смердяковым накануне, когда, по сути, Иван уже точно узнал *что* после его отъезда будет происходить и на *что* своим отъездом он Смердякова благословляет.

И машина здесь — символ бесчеловечности Ивана. Отметая лазейку для гипотетического, но всё же возвращения — Чермашню (он просит ямщика Митрия зайти к отцу передать, что он в Чермашню «не поехал» и вдруг символически предрекает, что Фёдор Павлович на чай ему «пожалуй, не даст» (14; 255), одержимый Человекобо-

жием Иван средством для его реализации избирает «машину» с её «летающим» вагоном (что приводит, правда, к неминуемому самоопределению: «Я подлец!») (14; 255). «Машина» здесь и символ бесчеловечности, и средство выражения Человекобожества. Своим отъездом на паровозе (на «машине») Иван совершает нравственное преступление и переживает состояние, подобное тому, которое переживал Раскольников в день совершения убийства старухи: «Последний... день, так нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто кто-то взял его за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественною силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо *машины*, и его начало в нее втягивать» (6; 58).

Старец Зосима в своих поучениях видит причину искажения «лика Божьего» и «правды Его» — в науке, вмещающей лишь «то, что подвержено чувствам», а «мир духовный» («высшую половину существа человеческого») отвергающей; в свободе, понимаемой как «приумножение и скорое утоление потребностей», ведущей к «уединению», «*отъединению*» (курсив Ф. М. Достоевского — *Ю. Р.*) и «духовному самоубийству» (14; 284, 285).

Говоря о грехе в народе, пьянстве, жестокости к семье, жене и детям, старец Зосима с болью описывает духовное разложение детей, работающих на фабрике. Бесчеловечному, механистическому фабричному бытию, уродующему детские души, противопоставляет «солнце», свет Божий: «Видал я на фабриках десятилетних даже детей: хилых, чахлах согбенных и уже развратных. Душная палата, стучащая *машина*, весь Божий день работы, развратные слова и вино, вино, а то ли надо детской душе такого малого ещё дитяти? Ему надо солнце, детские игры и всюду светлый пример и хоть каплю любви к нему» (14; 286). Слово «машина», хоть и употребленное здесь в прямом значении, также символизирует бесчеловечность и духовную гибель.

В сцене разговора Катерины Ивановны с Иваном и Алешей слово «машина», сказанное ею о собственном отношении к Дмитрию, выразительно иллюстрирует её нравственную одержимость Человекобожеским идеалом: «Я буду Богом его, которому он будет молиться, — и это по меньшей мере он должен мне за измену свою и за то, что я перенесла через него вчера. <...> Я буду... я обращусь лишь в средство для его счастья (или как это сказать), в инструмент, в *машину* для его счастья, и это на всю жизнь, на всю жизнь, и чтоб он видел это впредь всю жизнь свою!» (14; 172). Сказанное ею слово «машина» выражает здесь «притязание гордыни сатанинской» — «быть самому Богом, быть выше Бога» (Н. Лосский⁴), при

этом духовные силы обращаются лишь в средство («машину!») на пути к Человекобожию.

Таким образом, употребление слова «машина» в романе «Братья Карамазовы» отражает спектр основных значений, свойственных ему во время написания романа: «паровоз», «механизм для замены/отстранения человека», «средство/инструмент для достижения чего-либо». Однако в романном пространстве эти словоупотребления отражают скрытое художественное значение: «бесчеловечность», «Человекобожие». Слово «машинисты», сказанное Дмитрием Карамазовым об американцах, противопоставляет живую природу русской души механистическому (по ощущению Мити), мертвящему духу Запада. О перспективах бежать вместе с Грушенькой в Америку он говорит: «И хоть будь они там все до единого машинисты необъятные какие али что — черт с ними, не мои они люди, не моей души! Россию люблю... русского Бога люблю...» (15; 186). Многократное употребление слова «машинально» в значении «невольно, бессознательно» позволяет высказывать предположение о наличии скрывающегося за этим архетипического содержания.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // <http://www.slovardalja.net/word.php?wordid=15587>

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка // http://ozhegov.info/?q=%D0%9C*

³ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Машина>

⁴ Лосский Н. О природе сатанинской // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. С. 68.